

ПУТЬ К МЕТАСИСТЕМЕ – АЛЬТЕРНАТИВА «РЫНКУ»

(проблемы гуманизации общества)

Нашу общественную действительность надо, прежде всего, *понять* – достичь ясности того, какое будущее *в качестве системы необходимой деятельности* может спасти человечество и нас в том числе.

Сегодня же в нашей стране господствует какая-то странная направленность социального мышления: оно направлено не на будущее, а на прошлое европейских народов (да и на наше собственное – нэповское – прошлое), на стереотипы товарного производства и товарного фетишизма, на такую модель богатства, которая запечатлена в теоретических «манифестах» Адама Смита и Иеремии Бентама с примесью Фредерика Бастиа. Я бы даже сказал, что наша социально-реформаторская мысль впала в состояние «экономического обалдения» и одновременно – в состояние «творческой лени». Это значит, что никто не хочет подумать в современном ключе, или хотя бы настроить свою мысль на неординарный лад и выработать модель реформ, *адекватную эпохе*, в которую человечество неизбежно должно вступить. Нет: продолжают рассуждать только «по Адаму» и только «по Бентаму»! Так, словно наша история протекает не во времени, а в пространстве одной шестой земной суши!

Все наши уважаемые публицисты, юристы, политики вслед за нашими уважаемыми экономистами повторяют, что «альтернативы рынку нет». И за этим тезисом, навязшим уже и в зубах, и в ушах, и в умах, чувствуется такая СМЕРТНАЯ ЛЕНЬ и такое УПОВАНИЕ всех чающих и ожидающих, что вот-де введём рынок, дадим простор действию закона стоимости, и этот самый ранок всё за нас сделает, всё наладит, всё улучшит, и у нас «будет всего много», «как в Америке», или «как в Швейцарии»...

Мысль о реформе строится по формуле «или–или», т.е. – в духе метафизического метода мышления. Один наш уважаемый экономист (Н.П. Шмелёв) так и сказал: «либо рынок, либо лагерь». Третьего-де не дано... Но то, что не дано уму экономиста, может состояться в мозгу писателя, историка, драматурга, логика, отыскаться в разуме философа, да и в разуме всего общества, стиснутого чрезвычайными обстоятельствами, не может не возникнуть... Почему только экономисты? Ведь экономика обнаружила ныне громадные пороки в самой природе своей... И ничто не вечно... И экономика – тоже. В этом и состоит, видимо, экономическое обалдение социума.

Думается, что **некорректна сама ситуация поисков выхода нашей страны из кризиса:** состояние ВСЕГО *общественного организма* передоверено экономистам, которые компетентны только применительно к ЧАСТИ *социальной реальности*. Почему, собственно, экономисты «задают тон» и «правят бал»?

Специфика экономического мышления, как оно сегодня проявляется, состоит в том, что в нём отсутствует функция исторического времени: экономисты сопоставляют лишь *количество* товаров и *качество* производственных отношений, и если товаров на наших магазинных полках катастрофически мало, то, с их точки зрения, это значит, что надо изменить характер производственных отношений (т.е. – изменить их *качество*) – «ввести рынок», как принято говорить. Но разве, этим исчерпывается сущность ИСТОРИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ, в которой живёт сегодня ВЕСЬ МИР? Разве история – это товарно-денежный процесс?!

Почему положение в нашей стране осмысливается в рамках соотношения только двух категорий: *количества и качества* (количества товаров и качества производственных отношений)?

Есть ведь ещё и такая категория как МЕРА. Мера органически связана с качеством и количеством и в то же время означает «снятие» единства качества и количества и переход процесса (в данном случае – социального процесса) в новую меру исторической определённости. А это и означает историческое изменение общества – посредством «отрицания отрицания» тех экономических проблем, которые есть сегодня. Таким образом (при таком взгляде), нам предстоит решать *не экономические проблемы экономики*, – ибо в таком подходе решить их, с моей точки зрения, невозможно, – а – сегодняшние экономические проблемы надо решить посредством перехода в новую меру социума – в новую систему и в новую культуру труда как в новую субстанцию общества, в новое историческое состояние, в котором экономика не господствует, хоть и остаётся.

Суть дела в том, что экономические проблемы решить экономическим способом сегодня уже невозможно. Эпоха этого не позволит.

Наступил количественный предел эффективности экономики, ибо она должна удовлетворить нужды 6 млрд. человек, живущих на планете, и сделать это единственно возможным для неё способом: при помощи адекватных экономике технологий, которые, с одной стороны, НЕ обеспечивают развития того деятельного и творческого потенциала в человеке, который стал исторически необходимым в социуме, а, с другой, эти технологии производят столько яда для окружающей среды (в качестве своего побочного продукта), что биосфера Земли не в состоянии нейтрализовать его. И это грозит самому существованию человека как *органического* существа, объективно не могущего существовать без биосферы и её экологического равновесия. Ведь адекватные экономике технологии – это всё *неорганические* (механико-физико-химические) технологии; **они разрослись по объёму настолько**, что сопоставимы по своему действию с геологическими катаклизмами глобального масштаба, а, с другой стороны, именно из их *частичной* технологической эффективности вытекает: а) что употребляющие их люди могут составить производительный коллектив (экономическую целостность) только тогда, когда их связывает меновая стоимость их продукта и деньги как эквивалент затрат их рабочих сил, учитываемый в *обмене* между ними, в *обмене*, составляющем СКРЕПУ (связку) их деятельности, ибо их связывает РАЗДЕЛЕНИЕ ТРУДА; б) что эти технологии, являясь важнейшим средством добывания средств к жизни, ОГРАНИЧИВАЮТ развитие способностей людей, сужают спектр их мировоззрения и спектр практической компетентности. А это сегодня – очень неблагоприятный фактор.

Всё это и создаёт количественную границу эффективности экономики и тем самым означает, что историческая мера её эффективности фактически исчерпана.

Начавшаяся у нас в 1985 году «перестройка» фактически не была осмыслена философски (т.е. прежде всего – исторически и логически). Она не была осмыслена даже технологически: Н.И.Рыжкову *казалось*, что у нас отстаёт машиностроение (и была принята соответствующая программа, которая ничего не дала и ни к чему не привела, ибо «машиностроение» – это парадигма XVIII века и как идея в век компьютеров, системного анализа, биотехнологии и острого недостатка у нас «технологии внедрения ноу-хау» – и не могла дать эффекта); В.С. Павлову *казалось*, что у нас отстаёт топливно-энергетический комплекс; но «топливно-энергетический комплекс» – это такая же индустриалистская идея (чуть не сказал – ахинея), как и упомянутое «машиностроение».

Из-за того что нашим уважаемым «технарям» с их технократическим складом интеллекта КАЖЕТСЯ, что какая-то отрасль промышленности является *ключевой*, то это так и должно вырисовываться на экране *их* профессионального способа мышления (и в этом отношении принципиально нет никакой разницы между технократом-машиностроителем Н.И. Рыжковым и

технократом-финансистом В.С. Павловым). Скажу больше: любой экономист, когда он выступает как экономист и даёт свои профессиональные рекомендации – выступает как технократ. То же самое и в отношении юристов: существующий у них профессиональный способ мышления обладает абсолютной склонностью придавать КЛЮЧЕВОЕ ЗНАЧЕНИЕ ИХ профессиональным рекомендациям, ибо профессиональное мышление во всех этих случаях (а сюда надо прибавить и профессиональных политиков, которым тоже *кажется*, что «политические решения» открывают дорогу всем другим решениям и формам деятельности) воплощает в себе ЕЩЁ И: ложный детерминизм, а не одну лишь профессиональную компетентность.

Мы как общество уже столько намучились и пострадали, что пора бы уже понять, что «камнем преткновения» *в первую очередь* являются не отставания в технологиях, не состояние экономики (и – тем более – не состояние политики и права, ибо они вторичны – производны от экономики), а *состояние нашего мышления – тот облик детерминизма* (= причинности), который мы избираем в качестве ГЕНЕРАЛЬНОГО средства, чтобы поправить положение в общем и целом.

Ничего НЕ изменится ни в ближайшем будущем, ни в перспективе, ИЗ-ЗА ТОГО что мы *предпочтём* одному профессиональному МНЕНИЮ – другое профессиональное МНЕНИЕ.

Тот факт, что у нас сегодня предпочтение отдают «рынку», означает, что возобладал *экономический детерминизм*, в согласии с которым экономика признаётся субъектом истории, а люди признаются лишь элементами производительных сил, лишь продуктами создавших их производственных отношений. «Для экономического детерминизма люди – это лишь безликая масса, людской «материал», из которого вещно-экономический фактор лепит соответствующие фигуры – экономические персонажи с готовыми, предопределёнными социальными ролями и извне наложенной маской» (см. Философская энциклопедия. М., 1970, т. 5, с. 545).

Надо со всей определённой подчеркнуть, что экономическая ориентация реформ, если она возобладает практически, развяжет эгоизм и дух «чистогана», развяжет цинизм меркантилизации всех отношений и не принесёт *человеческого* блага никому.

Проблемы и проблемная ситуация в стране заключается в конце концов в том, что НЕ МОЖЕТ БЫТЬ какого-либо профессионального решения: ни через машиностроение, ни через топливно-металлургический комплекс, ни через финансы, ни через «рынок», ни через правовые акты, ни через политические акции. Ни порознь, ни через всё это вместе НЕВОЗМОЖНО в гуманистическом духе реформировать ни наше общество, ни наше хозяйство! И особенно надо подчеркнуть, что *не удастся это и через рынок*, ибо делая упор на рынок, мы вольно или невольно питаем в себе *кажимость*, что нам поможет экономический детерминизм и экономический профессионализм. А это иллюзия, **ибо проблемы, которые перед нами стоят, залегают глубже.** И по характеру – имеют более ОБЩИЙ содержательный состав. Чтобы продвинуть машиностроение, надо бороться не за машиностроение, а **изменить содержание стимулов, которые движут людьми** и в машиностроении, и в рынке, и в правовых отношениях и т.д. Нам надо **изменить ДУХ общества – детерминанту ВСЕХ детерминант, нам надо дать людям новый ИДЕАЛ и новый СПОСОБ его реализации, нам надо поставить человека выше товара...** А, провозглашая без конца «рынок», «рынок», «рынок»! – **мы ставим человека ниже товара и воспроизводим такое положение.** А это – ненормально и бесперспективно.

«Экономическое обалдение» состоит в том, что мы не можем понять, что ставка на «рынок» – это ставка на эгоизм и на стяжание и потому – бесперспективна, и не можем мы этого понять потому, что у нас нет мышления, с помощью которого мы это можем понять. А такого мышления у нас нет потому, что наличное наше мышление сложилось как производное от

экономики, и от *идеолеммы* (миллион раз повторённой!), что рынок нас спасёт, и *потому* ещё, что мы не делаем своё собственное мышление предметом своего собственного критического исследования. Мы просто молимся на рынок, как дикарь на колесо. Политическую экономию мы «проходили», а вот ТЕОРЕТИЧЕСКУЮ ЭКОНОМИЮ, которая располагается этажом выше, нам не преподавали... **и у нас нет, так сказать, супермышления об экономическом мышлении.**

Время, в которое мы живём, не есть просто момент для увеличения производства количества товаров, а есть период смены исторических эпох. И товар в такой период есть **лишь один из** признаков эпохи. Можно сказать, что на смену эпохи, когда господствовала «*сила товара*», приходит эпоха, когда начинает господствовать «*сила таланта*».

Дух наступающей эпохи, вокруг которого, как вокруг оси, всё больше начинают завязываться и вращаться все социальные процессы – это *ЦЕННОСТЬ человеческой творческой личности*, не имеющая стоимости. Дух прошлой эпохи – это дух рынка, и вокруг него, *по инерции*, как вокруг оси, вращаются социальные процессы, *и его сущностью является меновая стоимость и деньги*.

В целом, чтобы определить сущность нашей эпохи надо указать на столкновение двух тенденций: *силы товара* и *силы таланта*.

Но наши уважаемые экономисты видят только силу товара. У них явно монохромное ведение реальности. Они видят только рынок и обмен товаров.

Эпоха же, в которую вступает человечество, – полихромна.

Сегодня пока выигрывает тот, кто сумеет подчинить силу таланта силе товара. И это будет продолжаться до тех пор, пока человеческая творческая личность не заявит о себе и не пожелает освободиться от положения, в котором она выступает лишь как СРЕДСТВО для производства товаров.

Если при уточнении метода осмысления нашей эпохи взять за *аналогию* «новую глобальную тектонику» («тектонику литосферных плит»), посредством которой в современной геологии объясняют движущие силы горообразовательных процессов и строение земной коры, то «строение» нашей эпохи и ее «движущие силы» целесообразно было бы представить как свою, т.е. – своеобразную, теперь уже – социальную «тектонику литосферных плит».

Под такими феноменами как «сила товара» и «сила таланта» можно было бы установить «тектонику более глубоких плит», составляющих *многоцветье* нашей эпохи. К их числу (со стороны «силы товара») надо отнести «силу разделения труда», которая повышает производительность труда, **производящего товар**, и «силу технологий», о которых уже было сказано, что это *неорганические* (механико-физико-химические) технологии, обуславливающие обмен товаров.

Если же со стороны «силы таланта», то к числу «более глубоких тектонических плит», формирующих социальную реальность, надо отнести: «силу ассоциации», «силу отношений развития», – которые отличаются от «производственных отношений», – «силу семьи» (как той первичной ячейки, которая формирует и воспитывает человека) и «силу средств развития», которая в качестве категории пока не фигурирует в системе нашего гуманитарного знания, хотя «о развитии» у нас любят говорить и говорят очень охотно.

Итак, *многоцветье* фундамента эпохи. Сегодня, чтобы осуществить реформу нашего общества, надо дать хотя бы начальный ответ на давно назревшую потребность в *жизненной теории* – подход к «многомерному» осознанию современной исторической эпохи, ввести в научный обиход новые категории и концептуальные идеи.

Главное, что должно стоять в центре всех преобразований, это творческая личность, сила таланта, повышение дееспособности социума.

И в этой связи не менее важным является – доведение до ищущего сознания нашего глубоко потрясённого общества вывода о том, что экономическая ориентация нашей реформаторской мысли это – ЛИШЬ ОДНО ИЗ направлений необходимого мышления и что экономические проблемы – ЭТО В СУЩНОСТИ МИЗЕР в сравнении с тем, что необходимо осуществить.

Необходима принципиально новая теория, новый концептуальный подход мышления, сочетающий то, что есть, с тем, что необходимо должно стать.

В этой новой теории необходимо исходить из того, что на старых основах (технологических, экономических, трудовых, культурных) новое не может быть возведено. В этой новой теоретической концепции должны быть соотнесены такие понятия как *стоимость* товара и *ценность* творческого потенциала личности (ориентирующей отнюдь не на товарную форму богатства), *польза* и *истина*, субъективные потребности индивидов и объективные потребности эпохи (как эпохи перехода к новому типу цивилизации и культуры), «личный материальный интерес» и его в сущности БЕЗЛИЧНОСТНОЕ содержание...

В этой теории должно быть чётко проведено РАЗЛИЧИЕ технологий *неорганических* (или – трансформационных технологий, из-за которых категория обмена и меновой стоимости играли такую важную, по существу – организующую роль в экономически детерминированном обществе) и технологий *органических*, или высших, с которыми только и может быть связано достижение высшей производительности труда.

Под «высшими технологиями» следует понимать использование законов и знаний, даваемых комплексом био-социо-информационных наук (как наук, связанных с изучением органических процессов), применяемых для развития биотехнологий, социальных технологий, преследующих цель, прежде всего, развития человека, его способностей, и интеллектуальных технологий, сосредоточенных на повышении эффективности человеческого умственного труда. Всё это, разумеется, в единстве с традиционными технологиями, сосредоточенными на развёртывании и повышении эффективности традиционного труда. Должно быть преодолено аморфное толкование категории труда, и чётко различаться труд, производящий товары, и труд, формирующий таланты, двойственная и тройственная сущность труда. Должны быть соотнесены понятия гуманизма и утилитаризма, что в нашем социальном мышлении совершенно не практикуется. Должна быть затронута проблема «профессионального идиотизма», значение которого у нас, при громадном потенциале ручного физического труда, прикрито огромным «белым пятном» на карте философии нашего социума. А ведь эта проблема связана с пониманием и преодолением отчуждения, без углубления в которую невозможно ничего существенного сказать о реформировании и гуманизации нашего общества.

Словом, необходимо формировать новый спектр сознания для понимания нашей эпохи. И одним из важнейших моментов формирования этого понимания является указание на факт ТАВТОЛОГИСТИКИ, *существующей* ныне в методологии подхода к проблемам реформирования нашего общества. Тавтологизм здесь состоит и выражается в том, что экономисты вознамерились экономическими приёмами перестроить экономику, юристы намерены при помощи правовых рычагов создать «правовое государство», а политики – при помощи политических ухищрений стремятся достичь политического обновления общества в современную эпоху.

В связи с этим возникает *коренной* вопрос: является ли реформирование нашего общества *фундаментальным* преобразованием или же представляет собой некую *модификацию* того, что есть?

И ещё один вопрос: идёт ли человечество к новому качественному состоянию (и должно ли оно стремиться к этому перед лицом всяческих кризисов, в том числе и *экологического*), или же экономический детерминизм является ВЕЧНЫМ коренником, а право и политика – пристяжными в «тройке борзых лошадей», на прицепе у которой мы хотим въехать в будущее гуманное общество? И возможно ль это вообще на такой «тяге»?! Автор стоит на той позиции, что на *старой* основе ОБНОВЛЕНИЕ нашего общества в современную эпоху невозможно. А старая основа – это экономико-политико-правовой триумвират.

Впрочем, обновление, как уже было сказано, невозможно и без экономической ориентации нашей реформаторской мысли. Но если речь идёт о действительно преобразовательном мышлении (а, следовательно, и о критическом отношении к ТОМУ, ЧТО ЕСТЬ), то заглавная функция должна принадлежать философии социума, развитию социально-философского прозрения в будущее, а не экономистам, не юристам и не политикам, ибо эти три области мышления (перед лицом объективных требований грядущего общества) являются, в сущности, «реликтовыми» областями мышления и культуры. Хотя, разумеется, культурные **моменты** экономики, права и политики отрицать никто не будет: речь идет о ДОМИНАНТНОМ моменте в системе мышления.

Таким доминантным моментом сегодня становится социально-философское прогностическое мышление. Наше общество страдает прежде всего от того, что в нём не развита теоретическая функция и, в частности, нет критического мышления о самом мышлении, не выясняется проблема адекватности мышления ТОМУ состоянию социума, которое должно быть создано в силу объективных требований эпохи. Отсюда и проистекает, что юристы, политики, экономисты оперируют таким «гносеологическим капиталом», который является производным от прошлого состояния общества. А с таким мыслительным оснащением принципиально невозможно сделать шаг в действительное будущее (как в систему отношений нового времени, как в новое **историческое** качество субстанциональности и социальности общества), и невольно приходится «повторять зады» старой социальной модели. Таким образом, указывая на тавтологический характер умственных построений наших уважаемых реформаторов, данная работа призвана осуществить освобождающее действие в сфере мышления и открыть новое «мыслительное пространство» перед ищущей мыслью страны.

Легко представить себе возможного оппонента, который вероятнее всего будет делать упор на то, что надо-де сначала накормить народ, а затем заниматься вопросами гуманизации общества.

На подобные возражения против социально-философского анализа положения нашего общества следует решительно разъяснить, что тезис, построенный в стиле: «**сначала** накормить, **а потом** заняться гуманизацией» – вообще не является мыслью, мыслительной функцией. Этот тезис есть порождение желудочно-кишечных импульсов и свидетельствует об органическом отсутствии способности *понимать* наше общество как сложнейшее переплетение материальных жизненных отношений и исторических тенденций мирового социального процесса. Сегодня весь мир (а значит наша страна!) находится в положении, которое содержательно совпадает с пословицей: «Пока взойдёт солнце, роса очи выест». Иными словами: пока мы будем заботиться о производстве средств к существованию, *сосредотачиваясь ТОЛЬКО на этом*, перестанут существовать те, кого собираются *накормить* возможные оппоненты, выступающие против развернутой на этих страницах системы аргументов. Во всяком случае – ставкой в сегодняшних теоретических баталиях и в публицистических атаках на проблемы нашего общества в

действительности является не корм и не пища, а новая типология и культура труда, которая должна быть создана, чтобы сохранилось человечество и можно было «накормить», сохранив. Предшествующая 73-летняя практика оказала глубоко деструктивное влияние на субъекта труда и на самоё субстанцию нашей общественной жизни, исказив духовные, психологические и онтологические (бытийные) предпосылки, необходимые для конструктивного отношения к возникшим ныне проблемам. Имеющийся ныне субъект труда глубоко ориентирован на патерналистскую опеку, но отнюдь не на инициативу и активность такого уровня культуры, который ныне необходим, чтобы справиться с массой навалившихся на нас проблем и с той **неопределённостью** состояния и перспектив, которая нарастает лавинообразно.

В такой ситуации стратегическое мышление государства и общества должно делать ставку не просто на *силу товара*, как это просвечивает сквозь «рыночную концепцию» реформирования нашего социального организма, а прежде всего – на *силу таланта*, **ОПОСРЕДСТВУЯ** **получение утилитарной пользы РАЗВИТИЕМ гуманистических составляющих общественного организма**. Следовательно, чтобы в наших специфических условиях стремиться к товарному изобилию, надо **ПРЕДВАРЯТЬ** эти стремления развёртыванием системы отношений, которая сосредоточена на развитии талантов, т.е. на развитии дееспособности общества. – Выше уже было отмечено, что в данной работе чётко различается труд, производящий товары, и труд, формирующий таланты. – Такая стратегия необходима не только из чисто утилитарных соображений, но и потому, что экономика (= рынок) несёт с собой громадное разрушительное воздействие в отношении к природной среде: экономика принципиально враждебна экологическому равновесию биосферы, т.к. экономические процессы опираются на деструктивные по природе своей технологии: на механико-физико-химические технологии, принципиально враждебные всему живому. Именно для преодоления этой негативной стороны экономики и органически характерных для неё технологий – сегодня становится стратегически необходимой ставка на развитие талантов **СВЕРХ ТОЙ МЕРЫ**, которая стимулируется требованиями товарного производства, которое **И** прищипоривает человека, **И ограничивает** его, **ПОДЧИНЯЯ талант товару**, подчиняя **ЦЕННОСТЬ** творческой личности – стоимости вещественной товарной массы, производя которую, рынок разрушает биосферу, ибо он ориентирует этику и практику общества на снижение *стоимости* производства, пренебрегая *ценностью* биосферы и ценностью творческой личности как самоцели (что равно гуманизму). Если мы делаем ставку на «рынок» и, следовательно, – на товарно-денежные отношения, то тем самым, мы принимаем такую стратегию, при которой человек выступает лишь как **СРЕДСТВО ПРОИЗВОДСТВА** товаров, как фактор – зависимый.

Но так как в нашей стране не было не только социалистической **СОЦИАЛЬНОЙ** революции (**а значит и не произошло становление новой, высшей культуры труда**), но не было и буржуазно-демократического процесса с ЕГО культурой труда, – то наша экономическая реформа не будет иметь в своём распоряжении такого субъекта труда, который адекватен требованиям этой реформы в конце XX века, когда требования к человеку как к субъекту труда чрезвычайно высоки. Поэтому нам необходимо параллельно с экономическим принуждением уметь организовать процесс гуманистического, профессионального, культурного и этического доразвития человека как субъекта труда – в духе обстоятельств конца XX века: наступление кибернетизации и информатизации общества, экологический кризис и особая потребность, особый спрос на творческий потенциал личности.

Таким образом, необходима адекватная стратегия. А это и значит, что «рынок» не в состоянии решить такие задачи. Механизм товарно-денежных отношений, производящий товары,

должен быть дополнен системой, формирующей таланты и более высокую дееспособность общества в целом, т.е. – системой ценностных отношений.

Самым важным моментом (признаком) переживаемого нами времени, – если оценивать это с позиции действительной реформации нашего общества, – является то, что традиционная система общества (как единство экономики, политики и права) изжила себя как гуманистически оправданная система, как перспективная историческая целостность и не оставляет надежд и возможностей, чтобы НА ЭТОЙ, экономико-политико-правовой, почве решать актуальные проблемы общества, для которого неизбежностью стал переход в метасистему (т.е. переход из экономически детерминированной системы в гуманистическую надсистему).

Этим-то и объясняется, почему невозможно правовыми средствами решать правовые проблемы, а экономическими средствами – экономические: «всё прогнило». Эти слова («всё прогнило») произнесены были М.С. Горбачёвым на встрече с деятелями культуры в начале 1991 года. Но одно дело – метафорическое определение («всё прогнило») и совсем другое – понять это философски. В самом деле – как достичь желаемых результатов реформирования правоохранительной системы, если её кадры, её специалисты динамически несут в себе старые формы практического поведения (прикрывая это часто демократическими фразами)¹. Ведь правовая система предполагает насилие, принуждающее к исполнению норм права.

Вопрос, следовательно, заключается в том, возможно ли гуманистическое общество, если способ его функционирования органически включает в себя НАСИЛИЕ как способ его организации?!

Точно так же и осуществление экономической реформы экономическими методами. Мы здесь снова упираемся в кадры, в «человеческий фактор», в культуру тех экономических отношений, на которые способны люди, ориентировавшиеся десятки лет на то, чтобы «урвать и удрать», т.е. на личный материальный интерес.

Надо в корне менять ценностные ориентиры масс людей: ставить на первое место *ЦЕННОСТЬ ТАЛАНТА* и на второе место *стоимость* товара.

Но ведь экономисты же об этом не говорят. Пока ПРЕСТИЖ силы таланта не будет поставлен на первое место как высшая *ценность*, никакого сдвига в реформировании социума не произойдёт, ибо при экономической детерминации, как только отпустят цены, сразу же возобладает «пузо и шкура», тем более в наших социально-психологических условиях страны, прошедшей ГУЛАГ: целые слои общества приобрели люмпенизированную психологию.

И ещё одно соображение: никто из экономистов не решается сказать, что введение «рынка» обеспечит быстрое изменение к лучшему. Называют цифры от 10 до 30 лет. А там, в зависимости от того, что считать улучшением, потребуются и все 70 лет. Это значит, что экономисты видят только самое начало, да и то – не в его человеческом, а в вещественно-товарном аспекте.

Это и естественно, когда делают ставку на силу товара. Как в сегодняшней Польше, где коммунисты получили внушительное количество голосов на последних выборах в конце октября 1991 г.: рынок не обладает динамикой, адекватной задаче гуманизации социума.

¹ См. по этому вопросу статью О. Чайковской «Монстр» (Л.Г. № 50 от 18/XII-91), в которой ярко показано, как попирают право и бесчинствуют правовые органы во имя личных (шкурных) интересов.

Если смотреть на мир социальных явлений и процессов с точки зрения большой перспективы (а именно так и надо смотреть, ибо ВРЕМЯ жизни человечества катастрофически убывает, если не принимать действенных профилактических мер), то не о товарах, не о демократии и не о «правовом государстве» надо думать как о ПРИОРИТЕТАХ, а о становлении новой (высшей) культуры труда, возвышающей человека прежде всего. – Экономика же возвышает и возвеличивает товар.

«Всё прогнило» – означает, что и экономика, и политика, и право морально устарели, ТО ЕСТЬ – не находятся на уровне объективных потребностей наступающей эпохи. Но этого всё ещё не замечают и не понимают верхи нашего общества, потому что интеллект и психология управляющих верхов находятся ВНУТРИ старой ЦЕЛОСТНОСТИ общества, являясь её порождением (по принципу: «бытие определяет сознание»), не возвышаются в духовном отношении над этой целостностью, ориентированной на товар, и потому оказываются неспособными отнестись к ней критически и, следовательно, понять её как исторически преходящую и сделать конструктивные выводы.

А конструктивные выводы для нашего общества сегодня должны состоять в том, чтобы собрать в кулак все творческие силы общества, всячески искать и поощрять таланты, содействовать новаторству, **создать действенную систему внедрения нового** («ноу-хау»), собирать в мировом информационном потоке всё, что содержит в себе момент творческого, качественно нового решения традиционных задач, и, **возвышая силу таланта над силой товара, двигать страну по пути прогресса.**

Экономисты знают группу А, и группу Б. **Нам надо ввести понятие о группе С – о производстве способностей и о реализации талантов, сделать это приоритетной областью общественного производства** и завязать эту группу С на экономические интересы.

Разумеется, что это направление общественного производства надо формировать: необходима пропаганда, возвышающая ценность творческой личности, необходима новая идеология, новая нравственность.

Необходимы поистине ВЕЛИКИЕ идеи, представляющие собой синтез: 1) новой философии бытия, ориентирующей приоритеты человека не на товар, а на талант; 2) новой нравственности, провозглашающей общечеловеческие ценности и значение всечеловеческого единства ради сохранения жизни на Земле; 3) и той особой ЛИЧНОСТНОСТИ, которая ставит приоритет творческой личности выше стоимости, права и демократии, ибо творческая личность каждого – это и есть та ЦЕННОСТЬ, сосредоточенность на становлении которой позволит человечеству преодолеть лавинообразно нарастающую неопределённость его бытия и грозящую экологическую катастрофу.

Поразительно то безразличие, отсутствие творчески-критического отношения, которые проявляют наши публицисты, художественная интеллигенция, аналитики, философы, которые (и это надо подчеркнуть) так и не высказались по вопросу о том, *как выглядят с социально-философской точки зрения* предложенные экономистами рецепты реформирования нашего общества и по вопросу о том, возможно ли в данной ситуации обойтись экономической реформой. Всё доверено экономистам, которые не только не являются социальными мыслителями, но не являются мыслителями вообще, и которых и гуманистами-то назвать нельзя, ибо у них на первом месте стоит товар и меновой эквивалент, а на втором – человек, да и то – лишь в качестве СРЕДСТВА для производства товаров!

Поразительно, что все поддались «экономическому гипнозу» и, если по-русски определить, «экономическому обалдению», ибо с этим связана утрата ориентации на

национальные ценности, которые никогда не допускали, чтобы утилитарно-потребительские мотивы поведения были предпочтены высшим духовным ценностям. И это иначе не объяснишь, как низкой культурой социального мышления, отсутствием коррекции ума с позиции концепции философии истории. Сказался вульгарный материализм сталинского пресловутого «основного экономического закона социализма», который в течение десятилетий развращал сознание народа в том смысле, что удовлетворение потребностей («материальных» и «культурных») – это и есть высший закон бытия!

А так как «экономический гипноз» к добру не приведёт, то необходимо «копать глубже».

Прежде всего, об эпохе, в которую мы вступаем. По своему значению предстоящее историческое время сравнимо с переходом от архаической формации охотников, рыболовов и собирателей пищи на природной ниве к цивилизации, то есть к обществу *экономического типа*, в котором человеческий труд кристаллизовался в средствах к существованию как дополнительная потенция и где *продукт* создается и природой, и социальными созидательными силами. Теперь же наступает новая эпоха. И это новая эпоха, которая с необходимостью должна состояться, означает переход от экономического по своей природе общества, в котором господствует принуждение, насилие и товар (и товарный фетишизм) – к обществу гуманистическому, в котором доминирует ассоциация, талант и преодоление отчуждения.

Ставка должна быть сделана на преодоление товарного фетишизма как сущности отчуждения, ибо талант, гуманизм и ассоциация не имеют стоимости, ибо они выше меркантилистских оценок, так как обладают *социально-культурной ценностью* – качеством несоизмеримым с какой-либо стоимостной оценкой, с меркантилистской ориентацией вообще. Здесь ПРОДУКТ будет результатом *тройной* причинной обусловленности: природной, экономической и социально-культурной (= *ценностной*). И эта тройственность процесса созидания должна быть осознана как объективно необходимая перспектива и должна быть внесена в модель *преобразования* нашего общества, ибо на самом деле речь должна идти НЕ просто об экономической реформе, а о гуманистическом ВОЗРОЖДЕНИИ России как общества великого духом – о беспрецедентной новизне ТОГО, что должно быть создано, *чтобы* наши реформаторы на нашей почве не пытались повторять вчерашний день народов Запада (и это – в условиях, когда западные страны фактически больше, чем мы, имеют предпосылок, чтобы вступить в день завтрашний, хотя и не осознают этого).

Вот этого-то наша уважаемые экономисты совершенно не понимают, а потому и не принимают в расчёт, ибо в ИХ мышлении *историческое время (как социальное время)* *остановилось* на эпохе товарного фетишизма и экономического детерминизма и, следовательно, на состоянии отчуждённого общества, и поэтому им кажется, что товарное производство вечно, что экономика определяет культуру и т.д. и т.п.

Но мы сегодня в России живём не только в условиях нехватки товаров (о чём наши уважаемые реформаторы получают сигналы, идущие, так сказать, *от желудочно-кишечных импульсов* больших масс людей), НО И В УСЛОВИЯХ ЦЕЛОГО РЯДА ИМПЕРАТИВОВ, знание о значении которых может быть получено только через разум, через философско-концептуальное мышление. И так как в сознании наших уважаемых реформаторов эти ИМПЕРАТИВЫ не осознаны, не выступают как СИСТЕМНАЯ ЦЕЛОСТНОСТЬ первостепенной значимости, то и в мышлении наших уважаемых экономистов эти ИМПЕРАТИВЫ *не определяют приоритеты их стратегического мышления*. Но из-за того, что эти императивы не осознаны, вовсе не следует, что они не важны! – При нашем теоретическом пауперизме на эту тему (об императивах современного социума) надо бы писать специальное системное исследование, но, как говорится, нельзя объять необъятное. – Назову лишь следующие императивы: технологический, гуманистический,

семейный, экологический, социально-педагогический, ноосферный и, разумеется, экономический. Есть ещё один род императива. Он касается проблемы необходимой (*адекватной*) духовной рефлексии, направленной на всё происходящее. Этот императив надо бы назвать императивом философской методологически-критической мысли, ибо сегодня уже недостаточно мыслить традиционно социально-философски. Ныне надо ещё и критически осознавать своё собственное мышление: делать сам процесс мышления предметом критической мысли, ибо эпоха претерпевает СДВИГ в новую МЕРУ общественных отношений. А общественные отношения это и есть почва для формирования категорий и для адекватного (в категориальном смысле) мышления. Поэтому необходим анализ самой мысли, с одной стороны, опирающийся на историю самой мысли (на историю науки и на историю технологии, включая логику, этику и эстетику) и, с другой, анализ мысли, опирающийся на БУДУЩУЮ историю технологии, будущую «историю» науки, включая новые ценностные ориентации (новую этику, новую логику, новую эстетику).

Технологический императив для нашего общества сегодня имеет первостепенное практическое и стратегическое значение. *Гнаться* сегодня за техническими достижениями Запада – дело бесперспективное. Основное препятствие здесь не в том, что у нас не могут создавать станки и станочные линии, оперировать с потоками вещества и энергии, а в том, что мы отстали в кибернетизации производства и не только так называемого «материального», но, самое главное, производства в его информационно-человеческом аспекте – в смысле оснащённости ВСЕГО социального процесса компьютерами, в том числе и при подготовке новых поколений к жизни и к труду и особенно при оснащении технологий компьютерными системами. Это придало технологической структуре западного общества принципиально новый характер. И прав А.А.Зиновьев, заявивший в своём интервью журналу «Пуэн», что 99% советских предприятий просто не могут быть интегрированы в западную экономику и должны быть ликвидированы. Он считает, что ТО, что у нас происходит сейчас – это не вовлечение в мировую экономику, а просто западная экономика становится господствующей в мире. Если в её сферу войдёт советская экономика, это – конец, ведущий к ликвидации 99% предприятий, т.к. «последние организованы на других принципах» (см. Л.Г. № 48, 4/XII-1991 г. с. 4). Нам предстоит долгий и трудный путь *преобразования* нашей технологической основы *производства*, которое с самого начала следует себе усвоить и понимать НЕ как производство товаров, а как *производство нового способа общественной жизни*. И, следовательно, при такой установке, нам надо сделать упор на развитие социальных технологий, биотехнологий и информационных технологий. Согласно известному всем положение, «технология вскрывает активное отношение человека к природе, непосредственный процесс производства его жизни, а вместе с тем и его общественных условий жизни и проистекающих из них духовных представлений»². Технологический императив сегодня для нашего общества состоит в том, чтобы развивать в преимущественной степени не технологии для производства товаров непосредственно, а технологии, развивающие новое качество субъекта труда непосредственно. А там уж, *посредством такой стратегической установки*, можно будет подходить к процессу производства товаров. В этом и состоит технологический императив. Исторически – новые технологии – для нас сегодня приоритет приоритетов.

Гуманистический императив состоит в том, что нашему обществу сегодня крайне необходимо иметь народонаселение неизмеримо более высокого качества, чем есть в наличии. Качество населения зависит от характера духовной и социальной ориентации людей, от психологического пафоса (вдохновения), господствующего в обществе. Подавляющая масса населения (99,99%) сейчас ориентирована в утилитарно-меркантильном смысле, а это означает

² См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 383, примечание 89.

(если такую ориентацию сохранять, а экономические рецепты реформирования экономики, её сохраняют в силу их тавтологического характера), что, приняв такую методу, мы стремились бы на основе эгоистического личного материального интереса (который в сущности БЕЗЛИЧНОСТЕН) и стимулов стяжательского характера приблизиться к гуманистическому состоянию общества, в котором творческая личность есть высшая ценность и первенствует над утилитарно-меркантильной установкой всего уклада жизни, *что явно нереально, пока преобладает экономический детерминизм.*

Следовательно, необходимо менять социальную и духовную ориентацию масс людей, признав, что ориентация на «личную материальную заинтересованность» является ошибочной. Мы делали ставку на удовлетворение традиционных потребностей и оставляли где-то в тени проблему формирования способностей и проблему подъёма общей дееспособности общества. Кроме того, надо принять во внимание, что установка на «личный материальный интерес» есть в сущности выражение *субъективистской* идеологии, ибо во внимание принимаются *субъективные потребности индивидов*, а о наличии **ОБЪЕКТИВНЫХ ПОТРЕБНОСТЕЙ ЭПОХИ** такая идеология даже не догадывалась.

А между тем без оценки содержания и функций упомянутых категорий понять перспективы нашего общества невозможно. В этом плане (оценки) надо сказать, что **субъективные потребности индивидов** не несут специфически социального содержания и обозначают главным образом естественные физиологические потребности людей.

Другое дело – объективные потребности эпохи, которые не зависят от воли и сознания людей, но существуют как объективный императив, и в них-то и выражается историческая специфика эпохи.

Названные выше **ИМПЕРАТИВЫ** и составляют в целостности то, что действует как сила **ОБЪЕКТИВНЫХ ПОТРЕБНОСТЕЙ ЭПОХИ**. Только понимая необходимость реализации всех названных **ИМПЕРАТИВОВ**, мы приближаемся к действительному пониманию многоцветья **ДЕТЕРМИНАНТ**, опираясь на которые можно управлять *развитием* нашего общества. В самом деле, что проку апеллировать только к экономике, без учёта технологического императива, который ориентирует нашу мысль и управляющую функцию на органические технологии?! Чего можно достичь в организации экономики через идею «рынка», если не сосредоточиться на особом роде деятельности по реализации *гуманистического императива*, суть которого состоит в резком повышении качества населения через особую деятельность по развитию талантов, по повышению дееспособности социума вообще?!

То же самое – и об *экологическом императиве*: просто «рынок» с его обменом товарными эквивалентами ставит биосферу просто «вне закона», ибо законы биосферы и законы рынка просто несоприкасаемы. И без экологического императива, т.е. – с пресловутой «личной материальной заинтересованностью», т.е. – с установкой на **СУБЪЕКТИВНЫЕ ПОТРЕБНОСТИ ИНДИВИДОВ**, которым «всё до лампочки» и которые как индивиды, воспитанные в духе сталинского «основного экономического закона социализма», никаких **ОБЪЕКТИВНЫХ ПОТРЕБНОСТЕЙ ЭПОХИ** не признают, – ни о какой гуманизации общества не может быть и речи! Без этого возобладает современное варварство: и природа – **СРЕДСТВО** для производства товаров, и человек – **СРЕДСТВО** для производства товаров. Т.е. совершенно дикое состояние.

Здесь уместно вспомнить Иммануила Канта, который завещал: *«поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своём лице, и в лице всякого другого также как к цели и никогда не относился бы к нему только как к средству»* (И. Кант. Соч. в шести томах, т. 4, ч. I, с. 270, М., 1965).

Таким образом получается, что экономический подход, превращающий человека – в СРЕДСТВО, – аморален, противоречит категорическому императиву И. Канта.

Как же оценить стремление повернуть в экономическое русло жизненный процесс нашей страны, так отчётливо выраженный в рецептах наших уважаемых реформаторов?

Ещё экономисты классики подчёркивали (хотя они и делали это не вполне осознанно и – «шатаясь из стороны в сторону») «видимость человеческого в экономических отношениях». Но чаще всего, как отмечал К. Маркс, пунктуально и дотошно исследовавший этот предмет, «они берут эти отношения как раз в их явно выраженном *отличии* от человеческого, в их строго экономическом смысле» (см. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 35). Маркс подчеркнул (и это для нас сегодня особенно актуально!), что «Прудон раз и навсегда положил конец этой бессознательности» и колебаниям экономистов-классиков в отношении оценки экономического начала: «Он отнёсся серьёзно к *человеческой видимости* экономических отношений и резко противопоставил ей *ИХ бесчеловечную действительность*» (см. там же).

Но у нас сегодня именно *ИХ* (экономических отношений) *бесчеловечной действительности* НЕ хотят видеть наши уважаемые экономисты, ПОТОМУ ЧТО для этого надо улавливать, что наша страна сегодня переживает ту ступень зрелости экономической предприимчивости, которую имел перед своими глазами Прудон. Чтобы это видеть, надо обладать историзмом мышления и получить гуманистическое образование и воспитание, которых в нашей высшей школе не было, когда учились наши уважаемые экономисты. О гуманизации образования начали говорить только сегодня.

Прежде же, при преподавании экономических знаний, наша высшая школа была нацелена на подготовку *утилитарно ориентированных людей*. Утилитаризм, но никак не гуманизм, был генеральной установкой. И дальше этого никто не думал.

Поэтому и получается, что в рекомендациях экономистов нашему правительству мы имеем ПРИМИТИВ. Отсутствует ориентация на то, что «дальше». Россия ныне не может опираться на *мелкотравчатые* перемены:

а) на захват власти (с которой *дальше* не знают, что делать, ибо не знают природы российской истории и характера русского народа и не имеют в виду гуманистические перспективы, – гуманистический императив и другие императивы...),

б) на проблему *собственности* как основу экономики, тогда как России необходимо продвижение вперёд в становлении **новой культуры деятельности...**

России необходимо преобразование исторической ТИПОЛОГИИ труда – субстанции социума. А это значит, что необходимы более фундаментальные перемены, чем оптимизация экономики, которая тоже необходима. Но экономика сосредоточена вокруг *присвоения ПРОДУКТОВ* типологически старого труда и не затрагивает проблем преобразования труда как субстанции социума.

В действительности речь должна идти НЕ о *реформе*, при которой старые основы сохраняются, а об историческом ВОЗРОЖДЕНИИ *социума* России, никогда не бывшего сугубо экономическим образованием, пережившего СВОЮ историю (начиная от татаро-монгольского ига и кончая игом ленинско-сталинской «диктатуры пролетариата») и оказавшегося сегодня вдруг в круговороте глобальных проблем, тоже не являющихся экономическими только...

Вырабатывая сегодня модель ВОЗРОЖДЕНИЯ России, нельзя упускать из виду и то, что мир (человечество) сегодня головой стучится в такое будущее, в котором ТОВАР и меновая стоимость денег НЕ будут доминировать над талантом и ЦЕННОСТЬЮ творческой человеческой

личности, хотя экономически обалдевшему интеллекту и КАЖЕТСЯ, что экономические отношения (Т-Д-Т) приемлемы для того, чтобы идти «дальше», когда само это «дальше» НЕ ОПРЕДЕЛЕНО гуманистически.

Сегодня необходимо критически осмыслить ИСТОКИ установки на экономический подход, на экономический детерминизм в политике, которая в сущности слепа, когда она ориентируется на экономику, которая в сущности бесчеловечна, ибо воплощает отчуждение.

«Истоком» здесь является плохое понимание субстанции, из которой НЕОБХОДИМО исходить. А из чего исходят практически? Практически исходят из труда, как он был понят, а понят он был как он определён на 195-й странице первого тома «Капитала» Маркса. Там сказано, что труд выступает как «всеобщее условие обмена веществ между человеком и природой, вечное естественное условие человеческой жизни, и потому он не зависит от какой бы то ни было формы этой жизни, а напротив одинаково общ всем общественным формам» (см. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 195).

Именно из *физиологического* отношения интеллекта наших реформаторов к труду как к всеобщему условию обмена веществ вытекает концепция экономической реформы, принятая нашими уважаемыми реформаторами. Им близко, что труд – представлен как вечное *естественное* условие человеческой жизни. Отсюда установка на *реформирование*, то есть на *сохранение* всех СТАРЫХ основ жизни (собственнического, потребительского подхода, исходящего от *естественных*, «желудочно-кишечных импульсов», как было сказано выше), тогда как исходить надо из ОБЩЕСТВЕННЫХ ДЕТЕРМИНАНТ, ибо надо по-новому *поднимать общество*, ЕГО ДЕЕСПОСОБНОСТЬ, ЕГО КУЛЬТУРУ ТРУДА, руководствуясь критериями XXI века – создавать новую историческую ТИПОЛОГИЮ труда, ориентируясь не «естеством», а социально-культурными императивами. Ибо общественное начало – выше и дееспособное, чем начало естественное.

Наши уважаемые реформаторы, *уверовав*, что труд – это условие обмена веществ (т.е. *физиологически детерминированный* процесс) и что это – вечное условие жизни и как процесс – не зависит от какой-либо общественной формы, – решили, что «незачем изобретать велосипед» и что надо воспользоваться опытом Запада. – А опыт-то этот – в сущности ВЧЕРАШНИЙ по природе своей! Помнится, как Л.И. Абалкин подчёркивал, что товарное производство существует не только при капитализме и что оно вообще представляет собой признак цивилизации (и что, следовательно, и капитализму и социализму присущ труд, производящий товары).

В таком, внеисторическом, понимании труда и скрыта главная ошибка... Дело в том, что Запад в своей экономической изощрённости (менеджмент, маркетинг, индустриальная психология, применяемая в организации труда, использование антропологов для разрешения производственных проблем, всё большее вовлечение гуманитарных наук в организацию производства, ибо там ведь работают *люди*) всё ещё продолжает ориентироваться на традиционную форму богатства, что идёт ещё от Адама Смита, от его «Исследования о природе и причинах богатства народов» (1776 г.). Таким традиционным богатством являются, почитаются и считаются *товары*. Но, считая так, Запад, сам того не ведая, всё больше делает ставку на новую (исторически перспективную) форму богатства – **на науку, создаваемую творческим интеллектом личности учёного**. Коренное различие этих двух форм богатств состоит в том, что товар имеет стоимостный эквивалент, а научное открытие, техническое изобретение – *в принципе* не может быть выражено меновой стоимостью, ибо это такие феномены, которые входят в ткань социальной культуры, и значимость их растёт и множится во времени через овладение разумной и творческой функцией всё новых и новых людей и поколений и через их сопричастность ей. Товар

– конечен, талант и интеллект – бесконечен, так как входит в *интенсивное* творчество культуры и поэтому не может быть исчислен и ограничен. Значение же товара экстенсивно.

Поэтому в социальных науках пора говорить об экстенсивной и интенсивной формах богатства. Товары создаются на основе технологий, в основе которых, как это все знают, сосредоточена деятельность по использованию *естественных наук*.

Но если хоть чуточку озадачить наше воображение, дать ему творческую нагрузку, то легко представить себе технологии по «производству» талантов – *по выращиванию творческих личностей*, и в основе таких «технологий» надо суметь разглядеть, оценить, спрогнозировать – значение *гуманитарных наук*. У студентов технических вузов надо воспитывать высокую нравственную и ценностную ориентацию. Необходимо давать им комплекс знаний об обществе, о глобальных проблемах современности, о культуре, о труде не только как способе фабрикации товаров, но и как о субстанции общества и культуры, о диалектике субъекта труда, объекта труда и субстанции труда, которые в этом триединстве (во взаимосвязи и взаимодействии) образуют ПРОЦЕСС, обладающий САМО РАЗВИТИЕМ. Действительная задача «реформирования» нашего общества состоит в его гуманизации. А для этого необходимо *системообразующим* фактором нашего будущего общества сделать талант. Следовательно, условие возрождения состоит в том, чтобы ни в коем случае не упускать шансов для полного расцвета личностей 32% способных, одарённых детей. И взрослых, разумеется, тоже!

По поводу переживаемого нами времени следовало бы ещё сказать, что система жизненных обстоятельств не выдвинула «властителей дум»: лидеры общества, государства и государственных структур не являются оригинальными мыслителями новаторского типа. И поэтому на всех них явно отразился отпечаток провинциализма, дающий себя знать в стилистике речи. В *орфоэпии прежде всего* чувствуется налёт непрезентабельности и своеобразной серости. Выходя на политическую сцену (в том числе и на международную), эти люди (за исключением, может быть, А. Собчака) не озабочены артистизмом и нормами художественности речи, которых требует сцена, а говорят так, как привыкли говорить в провинции или как у себя дома, не чувствуя ответственности за культуру исполнения той социальной роли, за которую они берутся. Но это – *формальная сторона*. Хотя и она чрезвычайно важна, ибо непосредственно свидетельствует об уровне культуры. В чём прежде всего сказывается культура личности, как ни в её отношении к своей речи? В чём ещё сказывается культура личности, как ни в том, чтобы её речи не «резали слух» людей, владеющих культурой речи?

Это ведь «не просто так», поскольку массы телезрителей видят и слышат очень многих ораторов, могут сравнивать и судить о политиках по тем признакам, насколько они «в ладу» с лучшими образцами вербальной культуры. Телевидение сделало культуру речи (и прежде всего орфоэпию) главным фактором, который *убеждает* аудиторию в том, что политик стоит «на высоте эпохи».

Но кроме этой, формальной, стороны, есть ещё *содержательная* сторона дела: является ли лидер, претендующий на лидерство, «властителем дум»? О такой постановке вопроса у нас вряд ли кто думал? Во всяком случае никто этого не высказал ни прямо, ни косвенно. А сегодня крайне необходимы именно «властительные думы», способные объединить народы, поднять образ мыслей выше образа чувствований – *дать идеи, выводящие из кризиса*, указывающие ПУТЬ к новому образу жизни ДЛЯ ВСЕХ НАРОДОВ бывшего Союза.

Сейчас же пока дело обстоит таким образом, что «предел мечтаний» нынешних лидеров и претендентов на лидерство связан с тем, чтобы быть «властителями власти», связывая это с «рефлексией желудков», но никак не с эволюцией ДУМ.

Трагизм ситуации сегодня состоит в том, что распад хозяйства связан с распадом Союза, с суверенизацией народов, территорий и психологий. И всё это происходит при доминанте личных материальных (т.е. – эгоистических) интересов. А намерения наших уважаемых реформаторов состоят в том, чтобы на основе личных материальных интересов осуществить обновление общества.

Не ясно ли, что мотивы, лежащие в основе распада, не могут стать причиной обновления?! И вот в такой ситуации наши уважаемые реформаторы изучают, как проводил СВОЮ реформу Людвиг Эрхард в совсем другой стране, в 1948 году, и выражают надежду, что 44 года спустя нам это позволит выйти из кризиса. И это при том, что в Германии в 1948 г. не было распада земель, суверенизации народов и психологий.

Нам сегодня как никогда необходима ИДЕЯ, которая объединяла бы. Но в том-то и состоит поразительный и уже осточертевший ПРОВИНЦИАЛИЗМ всех наших «республик», лидеров и претендующих на лидерство, что, начиная с 1917 г. всех их заботит «хождение во власть», а не адекватные эпохе конструктивные идеи, позволившие бы преодолеть «разбегание национальных галактик».

Провинциализм программ состоит в том, что за образец взято западное общество 40-х годов с его утилитаризмом, меркантилизмом и экономическим детерминизмом, которые не сработают сегодня – почти на грани XXI века, как хотелось бы. В 1948 году ещё не было практически ни кибернетики, ни информатики, а сегодня они – ключевой момент организации не только производства, но и – самой жизни и индивидуального развития личности. Всё коренным образом *начало* меняться с 1949 года.

«Личный материальный интерес», который закладывается нашими реформаторами в предполагаемую ими хозяйственную и социальную систему, в сущности БЕЗЛИЧНОСТЕН и поэтому не совпадает с ПРИРОДОЙ личности наступающего XXI века.

Наступает смена парадигм как самой организации общества, так и стимулов, движущих людьми. И если всё это мысленно взвесить, то напрашивается вывод: остаётся уже не много времени, когда (в условиях распада Союза и атавистической суверенизации народов) эта экономическая реформа сядет на мель. Ибо не может быть, чтобы в XXI веке оставались эффективными и по мировым стандартам действенными механизмы прошлого XIX века.

К тому же: не может быть, чтобы народ России, который 73 года был обманываемым пропагандистским тезисом КПСС, гласившим, что у нас человек превыше всего, – безропотно, без всякой реакции принял бы «рынок», откровенно провозглашающий бесстыдный тезис и циничную практику, состоящую в том, что ТОВАР превыше всего, что человек – лишь *средство* для производства товара (и, следовательно, – ниже товара), что отчуждение личности – наша судьба во веки веков! Не может быть!

Экономисты-реформаторы, которые мыслят экономически, не улавливают нечто очень существенное: XXI век не будет экономическим веком, хотя он и не будет обходиться без экономики. Это значит, что мир ныне находится у черты, у грани перехода *от системы* (и от культуры труда, имеющего двойственный характер, в котором личность нивелирована товарным фетишизмом) К МЕТАСИСТЕМЕ, для которой характерна новая культура труда, в которой личность преодолевает товарный фетишизм.

Эту «властительную идею» надо не только понять (ибо в этом и состоит СМЫСЛ социальной перспективы!), но и довести до массового сознания, поскольку процесс обновления общества будет успешным только тогда, когда «каждый солдат понимает свой манёвр». Сейчас же

с предполагающейся экономической реформой, ведущей к «рынку», в массовом сознании отсутствует понимание и того, что происходит, и того, что должно происходить.

И при таком состоянии общественного сознания наши уважаемые реформаторы полагают, что добьются успеха?! А.В. Суворов ещё в XVIII веке понимал, сколь важен солдат как субъект дела, операции, как важен момент сознательности. Наши же уважаемые реформаторы... (на грани XXI века!) строят свою стратегию и тактику так, что народ выступает *лишь в функции объекта* преобразований!..

Властителей дум в их средне нет... и, видимо, не предвидится: для прагматиков – думы – это непрагматично.

Неужели они серьёзно верят, что Россию можно куском колбасы и вообще «идеалом сытости» увлечь на путь обновления?! Россию!! После того, что народ пережил в XX веке!!

По опубликованным журналом «Вопросы психологии» данным Л.М.Термена, исследовавшего феномен одарённости детей в возрасте от 5 до 14 лет (охвачено было почти 3000 человек) получилось, что число талантливых детей составляет 32%. Это и есть тот «Клондайк», из которого следовало бы черпать ресурсы для обновления нашей страны... если организовать деятельность по выращиванию талантов и формированию способностей. Если сориентировать общество на то, что каждый третий ребёнок – талантлив, и, следовательно, принять социальную установку на становление новой культуры труда, в рамках которой на первом месте стоит творческая личность, то это и есть то, что нас может возродить. Но демократизм не является достаточным условием для решения этой задачи. Демократизм необходим, но – недостаточен. Демократия проистекает из достаточного развития личных материальных интересов, из отношений частных собственников как товаровладельцев, ориентирующихся на стоимость. Талант же есть *ценность*. Поэтому проблема отношений, адекватных возведению талантов и способностей в высшую ценность, не может быть решена ни на основе экономических, ни при помощи политических (демократических) отношений.

Для этого необходимо ассоциирование общества – создание самоуправляющихся ассоциаций «самых трудящихся», то есть индивидов, ориентируемых на решение ценностных задач и ориентирующихся на них через ассоциации, которые не могут надеяться, что формирование и реализация талантов может быть успешно протекающим процессом на основе *представительных* механизмов (представительной демократии): здесь необходимы действия непосредственные, систематически упорные, заинтересованные. Если говорить о детях, то необходимы ассоциации родителей и самих детей, если говорить об изобретателях, то необходимы ассоциации самих изобретателей и т.д., т.е. – деловое сотрудничество.

Вообще необходимо подчеркнуть, что наше общество является *дифференцированным* (в силу характера разделения труда, вытекающего из характера технологии), и экономическая реформа, делающая упор на личный материальный интерес, т.е. на интерес разобщённый, на конкуренцию – не преодолевает этого дифференциального характера социума и, следовательно, не создаёт стимулов для комплекса условий, при котором формирование и реализация талантов и способностей может стать приоритетной и *системообразующей* формой деятельности общества. В этом направлении может сработать только принцип ассоциирования, а не представительная демократия, которой всё это, в сущности, «до лампочки». И это надо изначально видеть и понимать: «тройка борзых лошадей» (экономика, демократия, право) – всё это недостаточная основа для решения задач *возрождения* нашего общества на грани XXI века.